

Недавно сочинилось одностиише: «мой вкус испорчен Чеховым и Чейзом». Ничего общего, кроме «Ч»? Хм. Оба кратки, внятны, динамичны. Описаний минимум. До описаний ли, когда происходит что-то интересное? Я к тому, что про свою кошку мог бы настукать страниц тридцать. Но уложился в три. Авось кто перепутает сестру таланта с братом.

Итак.

Мы отдали за неё сто девяносто австралийских долларов. По местным ценам недорого, особенно если кошка симпатичная. А Тиша с детства была – хоть на подиум. Хорошо ещё, что сирота беспородная. Ангора или шиншилла такого обаяния стоили бы втрое. И всё-таки я сомневался, пока не увидел её лично. Затем выяснилось, как она похожа на меня и жену. До чего она наша. И тогда я осознал: нам её, можно сказать, подарили.

Приехали в супермаркет. Жена пошла за котячей едой, лотком и шампунем.

– Придумайте имя, – сказала, – я быстро.

Я гладил оранжевый лоскут пальцем. Ладонью там гладить было нечего. И думал о том, что, если сто девяносто баксов разделить на двадцать лет без кошки, получатся... смешные деньги. Тут лоскут развернулся в существо. В потёмки моей души заглянули синие глаза. Послышалось беззвучное мяуканье.

– Да ладно, – сказал я, – поспи ещё. Всё хорошо. Тише, тише...

– Ну что, придумали? – спросила жена.

– Чего?

– Имя.

– Кажется, да.

– Лёгкое недомогание, – уверяла продавец, – обычное дело. Переход с жидкой еды на сухую. Через пару дней будет как новая.

Через пару дней Тише стало хуже. Её рвало, бедняга перестала есть.

– Плохо дело, очень тощая, – сказал ветеринар, – на сутки под капельницу. Пятьсот долларов.

– А дома нельзя?

– Можно. Купите у нас еду с лекарством. Давать через шприц каждые три часа. Вот так, смотрите...

– И ночью?

– И ночью. Ромашковый отвар из пипетки – в любое время.

Активированный уголь можно развести. Шансы есть.

Жена её выходила. Кормила из шприца, поила отваром. Несколько суток, каждые три часа. Я малодушно ограничился стихами. Есть у нашей Тишки рыжие штанишки... Вот волос из турецкого дивана, вот лоскуток персидского ковра... Я опасливо брал Тишу на руки. Тела у неё почти не было.

Поначалу мы спали вместе. До того, как её вырвало мне на подушку.

Переместили Тишу в мягкий домик с грелкой. Около четырёх утра я шёл в туалет. «Посмотришь?..» – вздыхала утомлённая жена.

Я осторожно просовывал в домик ладонь.

В жизни мне редко встречалось страшное. Повезло. Засовывая руку в этот домик, я чувствовал слабость в ногах. До паники боялся нащупать холодную, твёрдую шубку. Боже, помоги... Но шубка всякий раз оказывалась тёплой. И урчала еле слышно, благодарная за то, что её навестили. Я тоже помурлыкал бы от счастья, да не умею. Не тот звук.

Тиша поправилась и незаметно выросла. Ноги от подмышек, усы до плеч, глаза изменили цвет. Из голубых стали зелёными и, наконец, – медовыми. Подведены, как у египетской царицы. Мех сияет, будто осень на полотнах Чарльза Уайта. Элегантно взлетает на стол и дефилирует, роняя волосы в наши тарелки и бокалы. Хотя знает, что это не комильфо. Как-то слышу, жена говорит ей: «Порядочные девушки не ходят по столу. Усвой это, наконец. Посмотри на меня. Я разве хожу по столу? А я ничем не хуже тебя. Только хвоста нет». И жена смотрит на то место, где у неё мог бы вырасти хвост. Далее – не шучу – Тиша зеркально повторяет жест, с гордостью осматривая свой хвост.

У неё есть любимая игрушка – розовая плюшевая мышь. Вообще-то, мышей две, но зелёную Тиша игнорирует. А розовую оставляет в значимых местах. Около своих тарелочек, у входной двери, которая её манит. В нашей постели. А вчера нашли мышь на столе. Манифест. Как сказано, детей надо баловать, именно тогда из них вырастают настоящие разбойники. Тиша опровергла этот, казалось бы, железный постулат. Мы её баловали изо всех сил. А вышла кроткая, послушная тихоня. Правильное имя досталось. Стол – единственное исключение. Ещё она стеснительная. Целуется с домашними только наедине. Если в комнате трое – ни за что. И лицо сделает монашеское: «Ах, оставьте ваши глупости». А если мы обнимемся с женой – выражение озадаченное: «Как же так? А я?..»

Вообще, она редко проявляет чувства. Но если проявит... Думаешь, не померещилось ли? Недавняя сцена на балконе. Утро. Стою, зажмурился, медитирую. Тема: как мне хочется идти на работу. И Тиша рядом на парапете. Вдруг ощущаю: две лапы упёрлись мне в грудь. Затем в подбородок тыкается мокрый нос. Открываю глаза – никого. Застеснялась и убежала.

Любая семья, где есть кошка, верит, что их кошка особенная. Не такая, как другие. Мы – не исключение. Например, Тиша редко просит есть. Вы много знаете таких кошек? А она не просит. Молчит, смотрит. Если изредка скажет «уррмиу», то это означает «мне скучно, давайте играть». Кушает маленькими порциями, всегда оставляя немного. Откуда у простолюдинки эти барские замашки? Иной раз выйдет со мной на кухню часов в шесть утра. «Урррмяу...» Даю покушать – смотрит укоризненно. «Эх ты. Я соскучилась, а ты что подумал? Ладно, так и быть, съем кусочек».

Тиша читает мысли. «Эка невидаль, – скажет кто-нибудь, – все кошки читают мысли». А вот и не все. И не так. Утром в постели я делаю три гимнастики. Лицевую, дыхательную и кошкотерапию. Первые две иногда забываю. Последнюю – никогда. Укладываю Тишу на себя и выглаживаю – от ушей до хвоста. Она включает моторчик. Славная минута... Наступает, однако, момент, когда я думаю: «Сколько ни тяни, а вставать надо». Не шевелюсь, молчу. Только думаю. Тиша поднимается и уходит.

Бывает, смотрим с женой кино либо читаем. Мелкая исчезла. Не произнося её имени, говорю:

– Кое-кого давно не видно.

Из-за дивана появляются круглые глаза.

– Чего?

А то уставится в пространство и застынет. Зрачки узкие, как шпильки. И выцеливает что-то, будто муху на стене. Только мухи нет, вот какая фишка. С кем она там переглядывается? И где это, собственно, – там?

Иногда мы с Тишей гуляем в парке. Она – на шлейке и поводке.

Встречные люди улыбаются. Собаки теряют дар лая.

Недавно читаю – закончилось исследование. Якобы кошки не тоскуют в разлуке с близкими людьми. Особенно – если сытые. Далее злобные реплики кошатников. «Что они понимают, шарлатаны! У них самих-то кошки есть?! Наша Муся за пять этажей узнаёт шаги отца, царапает дверь. Он войдёт – махом на плечо ему. И обнимает... А наш Васенька, если мамы долго нет, прямо заболевает. Ищет её везде, плачет. На еду – ноль внимания...»

Однажды мы надолго уехали из дома. Тишу устроили в пансионат. Пять звёздочек: чисто, свежо, двухэтажные вольеры. Изысканное общество. Весь отпуск думали: что если забудет нас?.. Явимся забирать, а она скажет: «Хххх! Кто такие?» Тогда же я увидел сон. Снилось, что нашу кошку подменили. Отдают дымку вместо рыжей, хотя сходство в лицах есть. Что за ерунда? Куда вы Тишу дели? «Это ваша, – убеждают, – такое случается иногда...» От беспокойства я проснулся.

Явились, заходим... Тиша не сменила масть, однако как будто уменьшилась в размерах. «Это за мной, – кивнула она британцу слева, – пока, морда». Махнула хвостом двум русским голубым: «И вам, сёстры,

не хворать». На людях мы держались чинно. В машине стало ясно – Тиша нас более чем узнала. У неё голову снесло от радости. Безумица носилась по салону зигзагами. От жены – ко мне, потом на заднее сиденье. И снова к нам, оставляя повсюду шлейф золотых волос. Не чесали, бездельники, – подумал я. Внезапно Тиша испустила победный крик: «Уррмяурр! Это моя семья! Мы едем домой! Господи, мамочка, как же я соскучилась!!»

Она бросилась жене на шею и страстно укусила в щёку. Авто едва не увело на встречу, по которой мчался грузовик.

– Обалдели?! – взвизгнула жена. – Забери немедленно!! Чуть аварию не сделала...

– Зато бы умерли все счастливые, – выдохнул я, отдирая приёмную дочь от мамыши, – а главное, в один день.